

3. Темный Гобелен

Арашни стремительно возвращалась в сердце Арвандора, в лесной дом, который разделял с ее детьми Корелэн Ларетиан. Хотя она и возвращалась домой, богиня была не в лучшем расположении духа.

Она наблюдала за битвой между Мэларом и Корелэном через другой из своих магических шаров. За один день два ее избранных агента не смогли справиться с эльфийским богом. И снова Корелэн невольно заблокировал ее продвижение к законному месту во главе эльфийского пантеона.

Как ни была она недовольна, Арашни почувствовала некоторое облегчение, как только сбросила одолженное у охотника одеяние и облачилась в пленочный халат и изящные туфельки, сделанные ее собственными руками из тончайшего паучьего шелка. Она без стука вошла в личные покои дочери и сбросила на пол одолженное снаряжение.

Илистри была дома - редкий случай - и готовилась к какому-то лесному празднику. Она подняла взгляд от сапог, которые зашнуровывала, явно напуганная вторжением. Ее серебряные глаза переместились с разбросанных вещей на лицо матери, затем потеплели от радости и возбуждения.

"О, мама! Ты была на охоте! Почему ты не сказала мне, что хочешь пойти? Мы могли бы пойти вместе и повеселиться от души!"

"Действительно, могли бы", - размышляла Араушни вслух, перебирая в уме возможные варианты. Ей нужны были союзники, и было бы неразумно упускать из виду тех, кто был ближе всего.

Конечно, Илистри не была бы ее первым выбором. Девушка была подвержена зыбким настроениям и обладала неуверенным нравом. В один момент она была беззаботным ребенком, танцующим, как лунный луч, или бегущим по лесу, как серебряный волк; в другой момент она была то соблазнительной, как сирена, то серьезной, как дварфийский бог. Что ж, девочка была в том возрасте, когда такие перепады были обычным делом, заметила Арашни, наблюдая за дочерью. Илистри уже не была ребенком, и она была слишком красива, чтобы устраивать Арашни, которой не нравилось соперничество с кем бы то ни было. Юная богиня унаследовала лицо своей матери, но ее волосы и глаза были серебристого оттенка, который всегда вызывал в памяти Арашни ее ненавистную соперницу, Сеханин Лунную Радугу. Илистри была очень высокой, что еще больше раздражало ее изящную мать, но Арашни должна была восхищаться силой и грацией длинных конечностей своей дочери. Никто в Селдарине не мог обогнать Темную Деву, и мало кто мог сравниться с ней в мастерстве владения луком.

Да, в Илистри есть определенные возможности, - лукаво заключила Арашни. Она сомневалась, что девушку можно склонить к открытому выступлению против Корелэна, ведь Илистри обожала своего отца. Но она была молода, и ее наивность можно было превратить в мощное оружие против повелителя эльфов. И хотя Арашни нужны были союзники, ей также требовались козлы отпущения. Так или иначе, Илистри послужит.

Богиня обняла дочь за талию. "Ты права, моя маленькая воронушка", - сказала она с редкой теплотой. "Нам давно пора поохотиться вместе. У меня есть план. Послушай и скажи мне, если тебе это понравится".

□ □ □ □ □

Дни на Олимпе длинные, дольше, чем годы в некоторых мирах, но Арашни они показались слишком короткими. Утро прошло в суматохе. Сначала она бродила по лесу с Илистри, изучая навыки и привычки дочери и придумывая, как обратить эти знания против нее.

Другой ее ребенок, сын Вэрон, тоже должен был сыграть свою роль, и Арашни потратила не мало времени, чтобы обучить его этой роли. Это оказалось непростой задачей, учитывая, что весь Селдарин праздновал двойную победу Корелэна Ларетиана. Избежать нескольких десятков празднующих эльфийских божеств даже в таком огромном месте, как Арвандор, оказалось делом нелегким. Нелегко было и удержать внимание Вэрона: Многие юные богини, а также одна или две из старших сил упрашивали красивого молодого бога присоединиться к веселью.

В час солнцестояния Арашни наконец оставила Вэрона наедине с его весельем. Она разыскала Корелэна, ибо он мог бы удивиться, если бы она этого не сделала, и провела самые светлые часы дня в беседах и развлечениях. Но время, проведенное в присутствии повелителя эльфов, тяготило ее. Роль любящей супруги никогда прежде не была Арашни в тягость, но многое еще не было сделано, и ей было трудно говорить сладкие речи и рассказывать остроумные истории, пока в голове у нее крутились детали заговора. Наконец ей удалось ускользнуть, со смехом заявив, что она пожадничала, отняв у него так много времени, - при этом она ненавязчиво напомнила ему, что другие ждут, чтобы отпраздновать вместе с ним. Это была сильная уловка, ибо все эльфы, кроме, пожалуй, самой Арашни, превыше всего ценили общество своих сестер и братьев-богов. Ей всегда хотелось куда-то идти, а дела лучше всего совершать, когда нет глаз, чтобы наблюдать за ними.

Боги Селдарина редко выезжали из Арвандора, разве что для того, чтобы удовлетворить нужды и взрастить искусство своих эльфийских детей. Но в этот долгий день Арашни побывала во многих странных и страшных местах, ища воинов для битвы, которая должна была произойти слишком скоро. Эльфы были древним народом, почти таким же древним, как и боги, от которых они произошли, и многие существа завидовали и ненавидели их. Богам всех этих народов - орков и огров, гоблиноподобных, хобгоблинов, жукомедведей, злых драконов, существ неба и глубоких морей, даже существ из стихий - Арашни несла свои семена войны. Она не являлась сама, ибо путешествовать в эльфийском облике означало бы обречь себя на мгновенную смерть или, по меньшей мере, почти гарантировать, что Селдарин в конце концов раскроет ее заговор. Для этого дня Арашни приняла новую смертоносную форму, подходящую для ее талантов, но такую, которую могли бы оценить боги и обитатели тьмы.

Солнце садилось за эльфийский лес, когда Арашни вернулась на Олимп, довольная своими трудами. Однако ее удовлетворение исчезло, когда она обнаружила, что в ее собственном доме ее ждет гость.

Полупрозрачная фигура Сеханин Лунной Радуги расхаживала по прихожей в сильном волнении. Она остановилась, когда вошла Арашни, и ткнула пальцем в сторону темной богини.

"Я называю тебя, Араушни, предательница Селдарина, участница заговора с орками и прочими худшими", - провозгласила она своим серебристым голосом.

В сознание Арашни прокралась ниточка беспокойства. Что знала лунная богиня? И, что еще важнее, Сеханин просто высказала подозрения, вызванные ревностью, или у нее есть веские доказательства вероломства Арашни?

Она сложила руки и посмотрела на тeneвую богиню. "Это серьезное обвинение", - холодно сказала она. "И опасное, учитывая, что ты, скажем так, не совсем в себе?"

Богиня лунной магии проигнорировала угрозу. Из складок своего платья она извлекла знакомый предмет - мягкие ножны, сделанные из тончайшего шелка и украшенные блестящими цветными нитями. На них был нарисован замысловатый гобелен, изображавший богов за игрой в их эльфийском лесу. Несравненный образец искусства ткача, картина была испещрена рунами защиты и охраны, какие могут быть только у эльфийской богини. Сердце Арашни болезненно забилося, когда она узнала зачарованные ножны.

"Это твоя работа, не так ли? Никто другой во всем Арвандоре не смог бы создать столь дивное плетение", - сказала Сеханин, не думая о лести.

Арашни откинула голову назад. "Это делает меня художником, а не предателем. Если ты хочешь сказать что-то еще, говори быстро, а потом уходи".

"Когда ты соткала этот гобелен? Когда была высвобождена магия этих рун?"

Темная богиня нахмурила брови, обдумывая странные вопросы. Руны и начертания были похожи на те, что давали защиту от нападения. Корелэн, конечно же, сражался с Груумшем всю предыдущую ночь. И если подумать, Арашни проделала большую часть работы в прохладные часы после полуночи, когда ярко светила луна...

Ее алые глаза расширились, когда пришло понимание. Она работала, когда ярко светила луна и когда сила Сеханин была на пике.

"Ты чувствовала, что магия в гобелене неправильная. Ты знала это - конечно, знала, ибо, клянусь, сам лунный свет доносит до тебя секреты живущих в ночи, - но ты позволила своему господину идти в бой, надев жетон, который обрек его на поражение. Если я предатель, то и ты тоже!"

Сеханин покачала головой. "Я почувствовала твою враждебность, это правда, но я думала, что это касается только меня. Только когда нападение Груумша развязало твоё проклятие, я поняла. Перед восходом луны, когда я была слишком слаба, чтобы действовать, орк разбил меч моего лорда и тяжело ранил его".

"А ты, сука, вмешивающаяся в чужие дела, просто обязана была подбирать осколки", - гневно сказала Арашни. "Ты забрала у него ножны, не так ли?"

"Если бы я этого не сделала, был бы он сейчас в безопасности в Арвандоре?"

Арашни шипела от ярости и разочарования. Богиня лунного света была также богиней тайн. Похоже, она умела разгадывать их не хуже, чем создавать. И Сеханин была могущественна - гораздо могущественнее Арашни. Точнее, она становилась такой, когда луна была высоко. Даже сейчас, когда закат еще окрашивал небо над Арвандором, стеклянная форма Сеханин быстро обретала суть и силу. Арашни требовалось действовать немедленно, иначе все было бы потеряно.

Вскинув обе руки, темная богиня вложила всю силу своего гнева и ревности в магию, которая полилась с кончиков ее пальцев. Злобная сила шелковистыми нитями оплела лунную богиню. Мгновенно Сеханин оказалась опутанной паутиной, куда более прочной, чем та, что остановила натиск могучего Груумша Одноглазого.

Но Арашни этого было мало. Ее ярость вызвала миниатюрную бурю, ветер завывал и метался по стенам зала, пока не образовал клубящееся облако. Вихрь подхватил сопротивляющуюся лунную богиню и швырнул ее в самое сердце маленького водоворота.

Это было именно то, что было нужно Арашни. Она снова подняла руки, и снова нити магии устремились к ее сопернице. Ветер подхватил их, закружил, плотно обернул вокруг Сеханин, пока богиня не оказалась в плотном коконе, как непробудившаяся бабочка.

Удовлетворившись этим, Арашни отпустила бурю. Улыбка искривила ее губы, когда она смотрела на плененную богиню. Сеханин была хорошо видна сквозь слои плетеной магии, но она не могла ни двигаться, ни говорить. Из предосторожности Арашни послала в разум богини безмолвное злорадное оскорбление. Это было все равно что говорить с камнем - даже общение разума с разумом, разделяемое членами эльфийского пантеона, не могло проникнуть сквозь эту паутину магии. Захват Сеханин был завершен. Но, к сожалению, он был временным. Восход Луны наделит Сеханин силой, намного превосходящей все, чем могла бы повелевать Арашни.

Темная богиня послала еще один безмолвный призыв - тот, что обращался исключительно к разуму Вэрона и в выражениях, не оставляющих места для споров, говорил ему, что он должен прекратить все, что делает, и поспешить домой.

В удивительно короткий срок (ведь Арашни предупредила, что может случиться, если он будет медлить) молодой бог ворвался в зал. Его глаза расширились, когда он посмотрел на Лунную Богиню и задумался о том, какую цену они могут заплатить за нападение на одно из самых могущественных эльфийских божеств.

"Мама, что ты наделала?" - сказал он в большом смятении.

"Ничего не поделаешь. Она знает - по крайней мере, подозревает, - что ножны, которые я соткала для Корелэна, украли магию его меча. Но, будучи благородной сестрой, - усмехнулась Арашни, - она пришла, чтобы высказать мне свои подозрения, прежде чем отправиться в Совет Селдарина. Единственный способ попасть туда сейчас - это упасть на землю и скользить, как змея. Я бы почти приветствовала вторжение Совета в мои дела ради удовольствия наблюдать такое!"

Вэрон пристально вглядывался в магическую паутину, связывавшую Сеханин. "Она продержится, по крайней мере, до окончания битвы?"

"Нет", - признала Арашни. "Она бы вообще не выдержала, если бы не была такой дурой, что пришла ко мне - ко мне, своей злейшей сопернице, - когда ее сила была почти на нуле. Но луна скоро взойдет. Ты должен отвести ее туда, где нет лунного света, и проследить, чтобы она оставалась там, пока не закончится битва".

"И что потом?" - возразил он тоном, напоминающим усмешку его матери. "Как ты можешь надеяться править, когда тебе противостоит богиня с силой Сеханин? Ты должна убить ее сейчас, когда она еще беспомощна".

Рука Арашни метнулась вперед и нанесла звонкую пощечину по лицу сына. "Не смей спрашивать меня", - сказала она голосом, в котором кипела ярость. "Если ты настолько невежественен, что считаешь, будто один бог может легко убить другого, то, возможно, я ошиблась, сделав тебя своим доверенным лицом и партнером!"

"А как же Херне?" - наседал Вэрон, желая спасти хоть что-то из своего достоинства, даже если это означало лишь победу в небольшом споре. "Ты сказала мне, что его убил Мэлэр. И если уж на то пошло, зачем тебе понадобилось настраивать Груумша и Мэлэра против Корелэна, если ни у того, ни у другого не было надежды на успех?"

"Не будь глупее, чем нужно", - огрызнулась богиня. "Одно дело - уничтожить бога из другого

места и другого пантеона - даже среди богов есть охотники и преследуемые; хищники и жертвы. Но убить члена собственного пантеона - совсем другое дело. Если бы это было так просто, разве я бы уже не правила Арвандором?"

Молодой бог несколько мгновений смотрел на свою мать, его глаза были задумчивы, а кончики пальцев осторожно поглаживали его побаливающую щеку. "Если все так, как ты говоришь, - медленно произнес он, - то, возможно, тебе стоит покинуть Селдарин".

"Разве ты не слышал ни слова из того, что я сказала за этот день? Я хочу править Селдарином!"

"Тогда делай это путем завоеваний, а не интриг, - предложил Вэрон, - ты собираешь армию, чтобы исполнить свою волю. Покинь Селдарин и встань во главе этой армии лично! Представь Арашни во главе могучей армии, как лидера антисельдаринцев!" - заключил он, его голос звенел от драматизма и гордости того, кто восхищается собственными видениями.

Арашни на мгновение уставилась на него, затем в отчаянии покачала головой. "Как я родила двух таких идиотов? Думай, мальчик! Перечисли в уме великих и славных генералов, которых я взяла на службу!"

Она замолчала на мгновение, позволяя именам врагов Селдаринов повиснуть в воздухе между ними. Там был Маглабийет, предводитель богов гоблинподобных. Храгек, который вел жукомедведей на охоту и в бой. Кёртолмак, глава пантеона кобольдов - Арашни до сих пор поражало, что у кобольдов есть пантеон. По любым меркам эльфийского рода, эти боги были невыразительными противниками. Некоторые из других богов, принявших участие в предстоящей битве, были гораздо могущественнее этих, и список можно продолжать до бесконечности - но армия, которая получилась в результате, была гораздо меньше, чем сумма ее частей. Многие из них были врагами или, в лучшем случае, относились друг к другу с презрением. Это был нестабильный союз, и слишком много гнева и энергии богов было потрачено друг на друга. Если Вэрон слишком глуп, чтобы понять это, Арашни лучше сразу же избавиться от него.

К ее облегчению, на лице молодого бога появилось выражение неуверенности, пока он размышлял об их союзниках. "Эта армия - она способна победить?"

"Конечно, нет", - безапелляционно заявила богиня. "Но эти боги достаточно сильны и многочисленны, чтобы нанести значительный ущерб. И самое главное, это армия, которую никто в Арвандоре не воспримет иначе, чем коалицию эльфийских врагов. Селдарины одержат победу, но битва будет долгой, и потери будут с обеих сторон. Мы с тобой позаботимся о том, чтобы одной из них стал Корелэн Ларетиан".

"Наше горе, конечно, будет душераздирающим", - добавил Вэрон с лукавой усмешкой.

"Естественно. И все боги Селдарина, ошеломленные потерей их любимого Корелэна, сплотятся вокруг его супруги и ее героического сына. Как только мы получим эту высшую власть, покончить с Сеханином будет пустяковым делом". Она бросила боковой, меряющий взгляд на молодого бога. "Ты все еще готов пойти на это?"

Когда Корелэн посмотрел на нее безучастно, она заметила: "В конце концов, он твой отец".

"А он - твой муж-лорд. Если есть разница, пожалуйста, объясни мне ее. В противном случае мы скажем, что я твой сын, и оставим этот вопрос как решенный", - сказал Корелэн. Его слова были грубыми, а последствия - суровыми; инстинктивно он приготовился к очередному проявлению вспыльчивости своей матери.

К его удивлению, она радостно рассмеялась. "Ты действительно мой сын. Твоя роль в этом деле будет выполнена хорошо, в этом я почти не сомневаюсь. Я также не сомневаюсь в твоём желании править вместе со мной, когда все закончится. Иди сейчас, избавься от Сеханин, а затем возвращайся как можно скорее. Времени мало. Мне нужно, чтобы ты отнес эти ножны в Болото, чтобы Илистри смогла "найти" их этой ночью. Битва начнется с приходом нового света".

Она сдержала улыбку, когда Вэрон поцеловал ее в щеку, и не сдержала ее, когда он применил малую магию, уменьшившую богиню луны до приемлемых размеров, а затем перенес ее через только что созданный портал; магические врата сверкали, как черный опал.

Возможно, размышляла Арашни, портал вел в мир смертных, где солнечные дни длились почти так же долго, как на Олимпе, возможно, в глубоко зарытый склеп, где Сеханин могла лежать, беспомощная и лишенная лунного света, до тех пор, пока не закончится битва за Арвандор. Арашни не знала, но она верила, что Вэрон придумает подходящее изгнание для ее соперника. В конце концов, он был ее сыном.

И поскольку Вэрон действительно был ее сыном, улыбка Арашни сменилась беспокойством, как только его не стало видно. Ей с пугающей ясностью пришло в голову, что тот, кто с такой готовностью предал своего отца, скорее всего, обратится против матери, с которой он теперь замышляет.

Впервые Арашни осознала, насколько она действительно одинока на выбранном ею пути. Вместе с этим осознанием пришло сожаление. Но это чувство не заставило себя ждать, а когда оно прошло, вместе с ним ушло и нечто другое - часть сердца Арашни, которая медленно умирала, незамеченная и неоплаканная. Тонкая нить магии, связывавшая ее с другими богами Селдарина и их эльфийскими детьми, наконец оборвалась. Кем бы ни стала Арашни, она больше не была истинной эльфийкой.

Так тому и быть, подумала богиня. Она все равно останется неоспоримой королевой Арвандора, несмотря ни на что.

А если этого не произойдет, с внезапной ясностью осознала Арашни, то ей придется искать место, где она сможет править. Она была такой, какой была, и другого пути для нее уже не существовало.